

УДК 141

Юрий Иванович Мирошников

доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург (343) 362-34-07
miroshnikov1941@mail.ru

**«МНОГОЕ ВСПОМНИЛОСЬ, МНОГОЕ УЗНАЛОСЬ
И МНОГОЕ ПОДУМАЛОСЬ...»**

Вонсовский С.В. Магнетизм науки. Воспоминания. Ч. 2. Екатеринбург: УрО РАН. 2010. 356 с.

В книге рассмотрен жизненный путь академика С. В. Вонсовского. Начало пути – Ташкент, где остались школьные друзья. Затем учеба в Ленинграде, где будущий академик обрел статус ученого. И наконец Свердловск, где Вонсовский стал основателем уральской научной школы физиков-теоретиков.

Академик С.В. Вонсовский, мемуары, семейный архив, письма, воспоминания об учителях, коллегам, учениках, школьных и личных друзьях, членах семьи, научные успехи, проблемы личной жизни, восприятие культурных событий советской эпохи.

К 100-летию юбилею С.В. Вонсовского сотрудники его родного Института физики металлов (ИФМ) подготовили и издали книгу, в названии которой указывается ее жанр. По мысли составителей В.Ю. Ирхина и Е.И. Ануфриевой, эта книга непосредственно приоткрывает и завершает другую, подобную этой, написанную Сергеем Васильевичем в 90-х гг. прошлого столетия, но увидевшую свет уже после его смерти [1]. Автор не обозначил свою первую книгу как часть 1, хотя описание своей жизни довел лишь до 1937 г. Несмотря на то, что он не планировал продолжения автобиографического описания, Сергей Васильевич, конечно, уже и тогда располагал большим и разнообразным архивом, который и лег в основу нынешнего издания 2010 г. как вторая часть.

Основу архива Вонсовского составляли письма, пришедшие к нему и копии отправленных им самим. Множество писем, составляющее основную канву «Воспоминаний. Ч. 2» (так в дальнейшем мы будем для краткости называть рецензируемую работу), как правило, не претендуют на заметные литературные достоинства, они

носят вполне бытовой характер, хотя некоторые авторы (в частности ташкентские друзья его детства) иногда дарили Вонсовскому плоды своих стихотворных опытов. Пожалуй, лишь письма Татьяны Порфирьевны Козляковской (Танечки) демонстрируют несомненное литературное дарование: они всегда не только образны и выразительны, но и точны, глубоки и пронизательны по смыслу. Однако несмотря на по большей части повседневную природу общего массива писем они могут взволновать доброжелательного читателя личной вовлеченностью отправителей в описываемые события, их мыслями, чувствами, оценками происходящего, мечтами о будущем и т.д.

Традицию семейного архива Сергей Васильевич воспринял от родителей, трепетно относившихся к своему эпистолярному наследию и постоянно преумножавших его. Так, например, он пишет: «...с 15 по 19 августа 1938 г. я получил от папы пять открыток, которые они (с мамой – Ю.М.) посылали по пути их возвращения в Ташкент (из Свердловска – Ю.М.)» [2, с. 36]. Письма – яркая примета советского быта. В отражаемую Вонсовским эпоху письма писали и стар и млад, и академики, и полуграмотные колхозники в немыслимом сегодня количестве. Этому не мешали ни дефицит времени, ни неподходящие условия. Индустрия письма с равным успехом совершалась дома, в дороге, в местах отдыха, в командировках, в поезде, в самолете, на пароходе. Лишь с 80-х гг. XX в. постепенно начинает утрачиваться былая интенсивность письменного общения советских людей. «Видимо, телефон виноват», – замечает Сергей Васильевич, сетуя на то, что в его архиве за 1984 г. мало корреспонденции от одного из его знакомых.

Жанр книги определен ключевым словом ее названия как воспоминания, то есть, по определению составителей, – это мемуары. «Мемуары (фр. *mémoire* – воспоминание) – повествование в форме записок от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем которых он был» [4, с. 759]. Мемуары трудно назвать строго очерченным жанром. Это скорее тип литературы, куда на полном основании можно отнести не только воспоминания, но и дневник, автобиографическую исповедь. Все эти разнообразные формы мемуарной (автобиографической) прозы объединяют некоторые типологические черты. Прежде всего это описание событий от первого лица, хроникальность и фактографичность изложения.

Характерной особенностью всей мемуарной литературы является ее принципиальная субъективность. События и лица здесь подаются с точки зрения автора: он так видит окружающий мир, он так его чувствует и осмысляет, оценивает и целеполагает. Поэтому мемуарист – всегда положительный персонаж, теневые его стороны оказываются скрытыми от глаз читателей. Таким образом, односторонность и неполнота изображаемой мемуаристом картины происходящего неизбежна, а если говорить менее академическим языком,

то «мемуаров без «вранья» не бывает, абберрация памяти входит в условие жанра» [6, с. 305].

Внимательный читатель держит в уме, что «Воспоминания. Ч. 2» хотя и написаны от первого лица, готовились к печати после смерти автора и сложились как совокупность писем, рассредоточенных по годам. Как и великий систематизатор Д.И. Менделеев, Сергей Васильевич хранил в своем архиве не только письма, но и различные другие документы: отчеты о научной работе, газетные вырезки со своими статьями, пригласительные и проездные билеты, копии официальных записок, черновики заявлений и характеристик, фотографии, программы конференций и блокноты, раздававшиеся их участникам, карточки ресторанных меню, платежные подтверждения, например о пожертвовании в Фонд мира и т.д. Однако несмотря на казалось бы очевидную документальность хранящегося материала она не исключает субъективности и односторонности за счет, во-первых, случайности отбора материала хранения, а во-вторых, утери каких-то важных письменных свидетельств о поступках и отдельных проявлениях духовной жизни мемуариста, его личной, субъективной реакции на известные события и лица. Полнота документальной основы «Воспоминаний. Ч. 2» – одна из самых серьезных проблем их составителей.

Существенным и неотъемлемым элементом мемуарных произведений является комментарий, призванный удовлетворить любопытство дотошного читателя, уравновесить субъективизм повествования объективным взвешенным суждением и оценкой издателей, редакторов, мнением специалистов, свидетельств современников и т.д. В данной книге комментарий, справочный материал находятся в зародышевом состоянии. В книге встречаются несколько случаев подстрочных пояснений всегда важных, но не снимающих потребность в разработке систематических форм, раскрывающих смысловое содержание текста книги. В комментариях нуждаются, например, фрагменты отчетов о научной работе автора, написанных сугубо профессиональным языком, недоступным для понимания даже образованного читателя. Для него остаются тайной и переживания Сергея Васильевича, его ближайшего окружения, связанные с преобразованием УФАНа в УНЦ: почему эта перемена вывесок угрожала целостности ИФМ? Примеры такого рода легко можно умножить. Так, в тексте книги великое множество имен, и лишь в отношении их небольшой части весьма скудные сведения можно получить из контекста, но отнюдь не из именного указателя. Такой указатель вообще отсутствует. Иногда действительно можно догадаться, что «Н.В. из повести Д. Гранина» – это Н.В. Тимофеев-Ресовский. Читатель со стажем с такой задачей наверняка справится (но можно сомневаться в отношении сегодняшнего аспиранта ИФМ). Вот более серьезный случай. Одна из ближайших к мемуа-

ристу персонажей на протяжении всей книги представлена как Танечка Козляковская. И если у читателя нет под рукой «Воспоминаний 1999 г.» (изданных тиражом всего 300 экземпляров), то несмотря на всю его проницательность он не сможет установить ее полного имени. У кого спросить, завершилась ли уже жизнь Татьяны Порфирьевны, которая родилась в 1909 г.? Известно ли сие составителям? Они хранят полное молчание по этому поводу.

Неполнота освещения фактического материала может в какой-то степени быть восстановлена самим читателем, если он достаточно настойчив. Безнадеее выглядит неполнота сведений о личностных смыслах, мотивирующих поступки как самого мемуариста, так и его ближайшего окружения, понять которые без квалифицированного обоснования значительно труднее. Для этого нужна помощь историков уральской науки, усилия которых до сих пор были не очень заметны. Пока не поздно, нужно зафиксировать на бумаге воспоминания тех, кто работал и общался с Сергеем Васильевичем. Кто займется организацией этой работы? Столетний юбилей академика настойчиво стимулирует постановку подобных вопросов. Скажем прямо, что пока в книге Вонсовского вожделенного читателем материала, делающего «невидимые миру слезы» видимыми, пока слишком мало. Винить в этом самого Вонсовского не приходится, ибо он сам не считал накопленный и едва обработанный им архив готовыми мемуарами. Таким образом, предстоит долгая кропотливая работа, требующая глубокой гуманитарной культуры, чтобы Сергей Васильевич Вонсовский предстал перед потомками в живом непосредственном выражении своей духовной индивидуальности. Мы стоим еще в начале процесса постижения личности одного из самых ярких основоположников академической науки на Урале, чья жизнь так органично вписалась в контекст советской эпохи. Для решения этой задачи необходимо исходить из того, что Сергей Васильевич Вонсовский, его творческое наследие вообще и его архивы и воспоминания в частности принадлежат не одному ИФМ, и не только УрО РАН и даже РАН, а всей образованной России и мировому культурному сообществу.

Что же может найти вдумчивый читатель в книге С.В. Вонсовского? Прежде всего стоит обратить внимание на то, как многие близкие и знакомые люди характеризовали его жизнь, как оценивали его деятельность? Так, Татьяна Перфильевна Козляковская писала ему в 1986 г. в пору его отставки с поста председателя УНЦ и преобразования академического центра в отделение – в УрО РАН о том, что Сергей Васильевич «выполнил свою научную клятву, данную Абраму Федоровичу Иоффе и Якову Ильичу Френкелю – построил теоретический фундамент Уральского научного центра и создал для него научные кадры в своих традициях» [2, с. 256]. С этой высокой оценкой нельзя не согласиться. Сергей Васильевич –

один из создателей научной школы физиков-теоретиков на Урале, начало которой ведет свой отсчет от официального его учреждения в 1932 г. на базе Уральского физико-технического института (Урал-ФТИ). Идея создания такого научного учреждения принадлежала А.Ф. Иоффе, а помогали ее реальному воплощению Я.И. Френкель, Я.Г. Дорфман, И.К. Кикоин, И.Е. Тамм и другие корифеи советской науки.

Имея в виду большой жизненный путь С.В. Вонсовского, мы вслед за Надеждой Николаевной Кулябко-Корецкой можем сказать, что «разнообразная жизнь, полная творческих достижений и возможности повидать чуть ли не весь свет», в географическом плане разворачивалась в трех регионах необъятной советской страны – Ташкенте, Ленинграде и Свердловске. Однако, как справедливо утверждала цитируемая нами его ташкентская одноклассница, он повидал чуть ли не весь свет, и в свою очередь добавим мы, стал известен всему ученому миру [2, с. 156].

Сквозь страницы писем и других документов «Воспоминаний. Ч. 2» явственно виден интегральный образ С.В. Вонсовского, его основные нравственные черты. От начала и до конца своей научной карьеры он душой и телом принадлежал слою советской интеллигенции и помимо высочайшего интеллекта отличался добрым и даже может быть излишне мягким характером, что, в частности, явно мешало ему как педагогу. Студент был твердо уверен, что профессор Вонсовский ему меньше «четверки» на экзамене не поставит, и соответственно не всегда серьезно относился к учебным занятиям. В натуре Сергея Васильевича мягкость счастливо сочеталась с преданностью. Он был предан родителям, жене, детям и внукам. Он был предан учителям, друзьям и ученикам. Он был бесконечно предан науке. Его преданность доказывалась делами, реализовывалась практически, а не оставалась благими пожеланиями. В его характере не видно и тени маниловщины. Как настоящий большой ученый он отличался неистощимым трудолюбием.

Жизненный путь академика начинался в Ташкенте. Общеобразовательная школа им. Песталоцци, Средне-Азиатский государственный университет (САГУ) – первый круг образования С.В. Вонсовского, где ведущая воспитующая роль принадлежала родителям: учителю физики Василию Семеновичу и учителю музыки Софье Ивановне. «Я всем, – утверждал Сергей Васильевич, – что во мне есть доброго и хорошего, прежде всего обязан моим родителям, которые и были моими первыми учителями» [1, с. 300]. В ташкентский период, кроме родителей, неизгладимый след в формировании нравственного облика Сережи оставили его одноклассники по общеобразовательной школе, связь с которыми он сохранял и питался ею духовно всю жизнь. Герман Германович Талуц, ученик и верный друг Вонсовского, говорил, что, работая над мемуарами, 87-летний академик вспомнил по именам и фамилиям всех

своих сорок соучеников еще по шестому классу ташкентской школы [5, с. 12].

Профессиональным ученым Вонсовского сделал Ленинград, ЛГУ (1929–1932), ленинградские профессора – Петр Иванович Лукирский, Юрий Александрович Кругликов, Владимир Александрович Фок, Всеволод Константинович Фредерикс – чуть ли не первые в России, как их характеризует Б.А. Путилов, «чистые» физики-теоретики. Во главе этой научной элиты советской России стоял А.Ф. Иоффе – директор Ленинградского физико-технического института (ЛФТИ). «Все наши профессора и воспитатели, – пишет Сергею Васильевичу его сокурсница по ЛГУ Лиза Юстова, – были внутренне и внешне интеллигентны, чего нельзя было сказать об их воспитанниках: поступающая в те годы молодежь в преобладающем большинстве была внешне не отесанной и не развитой, так как была рабоче-крестьянского происхождения. Однако успех образования определился ярко выраженным в ней стремлением к знанию под лозунгом В.И. Ленина: «Учиться, учиться и учиться!» [2, с. 294-295]. Университетские учителя помогли Вонсовскому и его сокурсникам сформировать в себе не только непреодолимую страсть к познанию, но и потребность в постоянной научной активности на уровне мировых стандартов. Здесь, в Ленинграде, возник и новый круг друзей, определивший исследовательские амбиции молодых теоретиков-физиков, нормы научного этикета, культурные запросы и идеалы, освещающие научную деятельность Вонсовского.

Все последующие годы его научной деятельности прошли на Урале, в Свердловске. Как замечает В.Ю. Ирхин, Сергей Васильевич оказался большим патриотом Урала и ИФМ [2, с. 16]. Его вполне устраивала жизнь в провинции, хотя вероятно ему иногда приятно было слышать, что он выглядит совершенно столичным ученым: в книге цитируется мамино письмо, примечательное лишь тем, что она с удовольствием передает такую лестную оценку Сережиного облика со стороны их общих знакомых [2, с. 53]. В начале 1970 г, уже будучи академиком, Вонсовский лег в московскую клинику, где его поместили в обычную многоместную палату. Потом, когда разобрались, то по инициативе администрации, его перевели в подobaющий академику «люкс». Советское общество было строго иерархизировано, где каждый сверчок должен был занимать свой шесток. Лечили также в условиях соответствующих чину пациента. Об этом небольшом казусе Сергей Васильевич, посмеиваясь, написал домой. Из Свердловска ответили, «что они были очень довольны, что администрация больницы из-за моей скромности усомнилась, настоящий ли я академик». «Да, мне повезло, – резюмирует Вонсовский, – что в семье у нас царит “здоровый скепсис” ко всем “почестям”» ... [2, с. 168].

На Урале ему хорошо работалось: его окружал, выращенный им и ближайшими его сподвижниками – Михаилом Николаевичем Михеевым, Рудольфом Ивановичем Янусом, Яковом Савельевичем Шуром, Михаилом Васильевичем Якутовичем, Виссарионом Дмитриевичем Садовским – коллектив сотрудников, который постепенно обрстал оправдывающими надежды учениками, такими как Женя Туров, Юра Изюмов, Герман Талуц, Миша Кацнельсон, Валя Ирхин и др.

В книге хорошо прослеживается научная работа Вонсовского. Ее основная линия выстраивалась в процессе исследования различных направлений теории магнетизма, а в более общем плане – в области атомной теории твердого тела. Именно эти работы сделали имя физика-теоретика Вонсовского всемирно известным. В июне 1972 г. отмечалось 40-летие Ордена Трудового Красного Знамени Института физики металлов УНЦ АН СССР. На специальной сессии Сергей Васильевич сделал доклад «Развитие теории твердого тела Уральской школой физиков», структура которого адекватно отразила основные аспекты теоретических интересов академика.

Однако потребности страны, обрушившиеся на нее суровые исторические испытания потребовали от Вонсовского не только качеств чистого физика. Так, в годы Великой Отечественной войны ему пришлось много сил и времени отдать совершенствованию дефектоскопии снарядов и другим практическим оборонным проектам, связанным с закономерностями магнитно-электрического воздействия. Постепенно прикладное начало в научном мышлении Сергея Васильевича стало занимать все большее место наряду с фундаментальным. Долгие годы академик возглавлял Государственный Комитет по науке и технике при Совете Министров СССР (ГКНТ). Старшему поколению читателей надолго запомнилось яркое выступление академика в газете «Советская Россия» по проблемам социально-экономического развития районов Севера – «Северный акцент» (1987). Проблемы, поставленные в этой газетной публикации, не потеряли злободневности до сегодняшнего дня.

Основная научная деятельность сопровождалась и другими дополнительными формами (была еще и общественная, например многолетнее депутатство в Верховном Совете РСФСР): готовились статьи для «Физического словаря», Вонсовский редактировал переводы монографий по магнетизму. Много забот и трудов Сергею Васильевичу стоило издание журнала «Физика металлов и металловедение» (ФММ), бессменным редактором которого он был с 1955 г. – времени его основания. Академик охотно занимался популяризацией науки. Он участвовал в 1956 г. в учредительном съезде Общества по распространению политических и научных знаний и как член этого общества выступал с различными докладами и лекциями перед массовой аудиторией. В этот период было опубликовано несколько ста-

тей на научные и философские темы в областных газетах, в 1982 г. написана популярная монография по магнетизму.

Читатель не сможет правильно понять и оценить крутой взлет теоретической мысли Сергея Васильевича в самом начале его научной карьеры, если не учтет, что один из его творческих мотивов был задан судьбоносной встречей с Семеном Петровичем Шубиным. К сожалению, в данной книге не акцентировано внимание на этом важном моменте. Было бы вполне уместным поместить в издании короткое «Слово об учителе и друге», написанное С.В. Вонсовским и включенное в книгу С.П. Шубина. В нем Сергей Васильевич вспоминал о встрече с Шубиным так: «С Семеном Петровичем Шубиным я познакомился в самом начале моей научной деятельности, в июне 1932 г. в Ленинграде. Потом я был тесно, почти неразлучно связан с ним с октября 1932 г. до рокового 24 апреля 1937 г. Эти неполные пять лет общения с Семеном Петровичем сыграли в моей жизни решающую роль» [3, с. 350].

В 1932 г. Шубина назначают начальником Отдела теоретической физики только что учрежденного Уральского физико-технического института. Первая встреча сотрудников этого отдела, в который вошел и Сергей Васильевич, произошла в июне в стенах Ленинградского физтеха. Вонсовский живописует свое первое впечатление от встречи: «Это был молодой человек, полный сил, творческой энергии и с очень большими научными замыслами. ... Несмотря на то, что мы были почти ровесниками (я, например, был только на два года моложе его), он, конечно, был несравненно образованнее нас как физик-теоретик, обладал уже большим опытом научной и педагогической работы ... Затем пошли годы сотрудничества в Свердловске. «Систематическая ежедневная работа ... сблизила нас – не только как ученика и учителя, но и в общечеловеческом смысле ... Иногда, после трудных расчетов по полярной модели, мы переходили на беседы о “разных разностях”. Эти беседы сыграли в моей жизни огромную роль, приобщая меня к ценностям общечеловеческой культуры. Так же, как наукой и культурой, Семен Петрович интересовался политикой, был всегда в курсе всех политических событий» [3, с. 351-353]. Заметим, что увлечение политическими идеями Троцкого оказалось для Шубина роковым. «Все, что у меня осталось после его ухода из жизни, – продолжает Сергей Васильевич, – принадлежит в большой степени тому, что он успел передать мне. Поэтому когда я написал может быть мой самый значительный труд в науке – монографию “Магнетизм”, я, в какой-то мере, продолжил то, чему меня учил Семен Петрович, и поэтому посвятил книгу его светлой памяти» [3, с. 354]. Сотрудничество с Шубиным закончилось 24 апреля 1937 г. его арестом, а 20 ноября 1938 г. Семен Петрович погиб в Севвостлаге. Импульс кратковременного творческого и дружеского союза Вонсовского с Шубиным оказался

исключительно плодотворным. Успехи Вонсовского в науке, не раз отмеченные государственными наградами и премиями, латентно несли в себе искры Шубинского таланта.

В жизни Вонсовского не все складывалось гладко. Он не избежал дисгармонии в сердечных отношениях с близкими людьми, между его глубоко интимным чувством и долгом, как показано в книге, на всю жизнь пролегла роковая черта. Его большая личная драма случилась еще в 1933 г. Его любимая Танечка Козляковская, с которой он вместе учился в ЛГУ, нашла свою счастливую судьбу в лице Юраши (Юрия Александровича Тягунова). Ближайшая подруга Танечки, поманившая его в недобрый час и тем самым разом перечеркнувшая развитие его сердечных отношений с Таней, тоже вскоре вышла замуж и была счастлива. «Только мне, – меланхолически замечает Сергей Васильевич, – не совсем повезло, но в этом виноват только я сам» [1, с. 295].

В 1938 г. он женился на Любове Абрамовне Шубиной, опальной вдове своего учителя и друга Семена Петровича. Это был его крест, который Сергей Васильевич добровольно пронес до самой своей смерти с кажущейся для многих легкостью. Мама погибшего Семена Петровича Анна Израилевна лучше других понимала суть случившегося. Она писала Вонсовскому: «От всей души выражаю Вам свою глубокую благодарность за тот подвиг, который Вы совершили и совершите, взяв на себя тяжелое бремя воспитания трех деток моего сына, Вашего друга» [2, с. 59]. И много лет спустя уже в начале 1970 г. Сергею Васильевичу приходится констатировать, что Любовь Абрамовна все мучается из-за того, что он живет с ней только из жалости, а любви настоящей нет. «Вот такая обычная песнь!», – признается он [2, с. 167]. Вместе с тем Любочка была, по убеждению Сергея Васильевича, истинной главой семьи, от нее зависели здоровье и школьные успехи детей, а потом и внуков, судьба дряхлевших родителей Вонсовского, условия его собственного творчества и даже в какой-то мере домашняя проработка больших и малых организационных решений в УНЦ.

Одной жизни Вонсовского с избытком хватило на то, чтобы вместить в себя всю историю советского общества. Он родился за семь лет до установления советской власти и умер семь лет спустя после ее ошеломительного падения. Как известно, слово «советский» быстро приобрело отрицательный оттенок, стало предметом шумных, но совершенно пустых выхолощенных споров в одночасье народившихся «интеллектуалов» и традиционных для России «интеллигентов». Не будет ли уничижительным для памяти Вонсовского относить его к слою советской интеллигенции, активно участвовавшей в строительстве коммунизма, некоего, как сегодня это подается, заведомо химерического проекта? Можно ли называть Вонсовского советским ученым?

В 90-е гг. прошлого столетия в пору становления новой демократической России сам академик пытался разобраться в своем отношении к стремительно уходящей советской эпохе. Помогали ему в этом его ташкентские и ленинградские друзья детства и юности, чьи идеалы и ценностные ориентиры он разделял многие десятилетия. Вот письмо от Нины Молодиевой из Ташкента, которое Сергей Васильевич получил во время «перестройки»: «Но знаешь, Сережа, оглядываясь назад на все многотрудное время, думается, а жили мы все-таки хорошо и интересно. Мне искренне жаль современное поколение, обидно за его бездуховность, злобу, бездушие, какую-то обреченность» [2, с. 172]. Обостренную реакцию Вонсовского вызвало мнение Танечки Козляковской, с которой он поддерживал непосредственное (когда наездами бывал в Москве) и письменное общение. В январе 1994 г. Сергей Васильевич обменялся с Татьяной Порфирьевной, как назвала их она, «политическими письмами». Козляковская в письме, датированном 5 января, в поисках ответа на поставленный ею же самый вопрос, что такое демократия в нашем современном представлении, продолжила его следующими размышлениями: «Жить как на цивилизованном Западе или в Америке? Но там есть только благосостояние, но нет идеи, которая бы повышала наш интеллект. Для чего там живет человек? Для того, чтоб сытно есть, ездить на машине, иметь хорошее жилье? ... В жизни каждого человека должен быть духовный стержень, чтобы определять смысл человеческой жизни. В нашей рыночной торгашеской ситуации я его не вижу и оскорблена до глубины души насмешкой и критикой в адрес нами прожитой жизни» [2, с. 298-299]. Сергей Васильевич ответил Татьяне Порфирьевне 16 января 1994 г. «Я помню, – отметил он в своих “Воспоминаниях Ч. 2”, – с каким волнением писал это письмо» [2, с. 302]. Его возражения сводились к тому, что все советские люди находились в духовном рабстве и теперь всем нам дана полная возможность этого освобождения. «Ведь главная заслуга Михаила Сергеевича Горбачева именно в том и заключается, что он открыл нам широко двери к духовной свободе...» [2, с. 300]. «Все мы, презренные рабы, до сих пор не можем освободиться от этого рабства» [2, с. 301]. Сергей Васильевич полагает, что мы оставили позади эпоху советского рабства, лишившую нас возможности свободной, то есть осознанной и творческой деятельности. Свой собственный плодотворный вклад в науку, свою успешную карьеру он реализацией свободы не считает. Татьяна Порфирьевна была не согласна с мнением ее «далекого Друга», как она называла Сергея Васильевича, и спор продолжился дальше. Теперь ее аргументы стали чисто экзистенциальными, идущими от ощущения и оценки себя в прожитой жизни. «У нас за плечами долгая жизнь, так много пережито и пережито, что, пожалуй, нельзя сказать, что она прожита зря», – отвечает Козляковская в сентябре

1994 г. [2, с. 305]. Воспроизведя письмо Танечки, которое мы только что частично процитировали, Сергей Васильевич с восторгом признается: «Боже мой! Какое это чудесное Танечкино письмо, как я ей за все, все искренне благодарен. Это действительно мой дорогой и близкий друг всей моей жизни» [2, с. 305]. В конечном итоге ходовые штампы демократической пропаганды не смогли перевесить личных Танечкиных самоощущений.

Если попытаться охарактеризовать духовный мир Вонсовского не по его собственным признаниям (довольно редким), а как бы извне, то следует сказать, что отпечаток «советскости» лежит на многих чертах его личности, так или иначе отразившихся в его мемуарах. Прежде всего мы бы отметили такое качество эпистолярного наследия академика как сердечность. Почти обязательным элементом письма являются различные выражения душевной теплоты: «память сердца», «навек оставили след в душе и сердце», «что говорит и чувствует мое сердце», «теплое чувство уважения и симпатии к Вам», «тот, кто все это испытал, становится сердцем добрее», «дом, где соединяются сердца» (о «жоуровках»). Приведенные примеры словесных выражений – отнюдь не традиционные формулы, а вполне индивидуальные образцы эмоциональности советских людей, которая так созвучна личности Сергея Васильевича.

Эмоциональность уживалась с другой, не менее важной, чертой советского общества. Речь идет о подчинении интересов индивида интересам коллектива, зримом и незримом контроле за каждым гражданином нашей бывшей великой державы. Это сознание подчиненности и подконтрольности, формируемое у советских людей с детства, как раз и есть то, что Вонсовский именуется «рабством духа», от которого он хотел, но не смог освободиться после крушения социализма в нашей стране. Действительно, в советские времена на все, что думалось, переживалось, писалось, ставилось на сцене, снималось на киноплёнку и т.д., привычным гнетом ложилась двойная цензура – внешняя (общественная) и внутренняя (личная). Советский человек должен был понимать, когда, с кем, о чем он говорит. Вне соответствующей обстановки далеко не все, что просыпалось в душе и просилось на язык, произносилось вслух.

Мама С.П. Шубина Анна Израилевна жила надеждой, что Сергей Васильевич напишет воспоминания о ее погубленном советской властью сыне. Вот фрагмент ее письма к Вонсовскому от 5 июля 1946 г.: «Не забудьте о моей просьбе, которую я вам однажды высказала: когда придет время, а оно, безусловно, наступит, напишите воспоминания о моем сыне» [2, с. 60]. При жизни Анны Израилевны (она умерла в 1972 г.) этой ее просьбе не суждено было исполниться. При советской власти Сергей Васильевич не мог написать о своем учителе и друге то, что хотел. Правда, нам трудно сказать определенно, можно ли считать заметку Вонсовского на пяти страницах

«Слово об учителе и друге», помещенную в избранных трудах С.П. Шубина, исполнением взятого на себя обещания. Однако все-таки работы самого Семена Петровича по теоретической физике, очерк его жизни, воспоминания о нем его учителей, друзей и коллег, собранные под одной обложкой, были изданы в Свердловске в 1991 г. по инициативе С.В. Вонсовского и под его редакцией (совместно с М.И. Кацнельсоном) [7].

Как замечает ученик С.В. Вонсовского В.Ю. Ирхин, «...будучи крупной личностью, Сергей Васильевич во многом остался непонятым. Даже в беседах с учениками он нечасто позволял себе откровенность в мировоззренческих вопросах. Было бы неправильно судить о мировоззрении Сергея Васильевича по его немногочисленным публикациям, касающимся философских вопросов...» [2, с. 19]. Возникает вполне резонный вопрос, а из чего же сегодня исходить в исследовании мировоззрения крупнейшего советского ученого? Наверное, все-таки из того, что написал о себе сам Сергей Васильевич тогда, когда ни о каком гнете марксистско-ленинской идеологии не могло быть и речи. Мы имеем в виду, прежде всего анализируемую нами книгу, над которой он работал в 1990-е гг. Переходя к описанию своего архива за 1959 г., мемуарист пишет, что «продолжалась работа по философским вопросам современной физики. В связи с празднованием 50-летия со дня выхода труда В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» мной написан доклад на тему «О значении ленинской идеи о неисчерпаемости материи для современной физики», который был зачитан на торжественной сессии Института философии АН СССР» [2, с. 133]. Какой смысл этому докладу, сделанному в 1959 г., академик придает в 1990-е гг.?

Примечательно, что об этом факте Сергей Васильевич говорит совсем не в той тональности, нежели о своей речи на первой сессии Верховного Совета РСФСР, помещенной в газете «Советская Россия». Это была речь депутата Вонсовского. И он признается совершенно откровенно, что «она была написана по известным тогда стандартам с “реверансами” в сторону КПСС» [2, с. 235]. Но что касается его выступления в Институте философии РАН, посвященного 50-летию со дня выхода в свет книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», то Вонсовский и после утери КПСС политического лидерства в стране не считал свой доклад связанным с какими-то издержками идеологической ангажированности. Академик нигде не утверждает, что его выступления на философские темы содержали «реверансы» в сторону КПСС, включали теоретические положения, от которых он теперь хотел бы отказаться. Это важно подчеркнуть, говоря о мировоззрении Вонсовского, которое никак не шло вразрез с марксизмом-ленинизмом. Хотя академик, как и очень многие советские ученые, принципиально по-разному оценивал философские труды В.И. Ленина и идеологическую продукцию КПСС.

Как показывает в своей книге Б.А. Путилов, Сергей Васильевич был твердо уверен в то, что «Ленин – безусловно, крупнейшая фигура XX в., определившая пути его развития, в известной степени перевернувшая мир» [5, с. 72]. При жизни Вонсовского на его рабочем столе всегда стоял небольшой, в простой деревянной рамочке портрет В.И. Ленина, а на стене висел портрет С.П. Шубина. Эти два лика мирно уживались в пространстве кабинета Вонсовского и, видимо, в пространстве его души. Думается, что и сегодня значительная часть академической среды продолжает разделять философскую веру Вонсовского в диалектический материализм, который так умело применял и наступательно отстаивал его учитель и друг С.П. Шубин.

Подобно всем советским интеллигентам академик был книжным человеком, хотя в 1990-е гг. ему пришлось освоить компьютер и он стал задаваться вопросом о том, как может измениться научное мышление в эпоху всеобщей компьютеризации. Сергей Васильевич всегда стремился использовать для чтения многочисленные командировки, а кроме того и ежегодные посещения мест отдыха. Вот лишь один пример: «В своем письме с дороги со станции Шахунья я пишу, – рассказывает о себе Сергей Васильевич, – что еду очень хорошо ... В поезде наслаждаюсь чтением “Мертвых душ”. Сколько раз читал, а всегда с новыми впечатлениями. Великая вещь. Обязательно хочу сходить во МХАТ на “Мертвые души”» [2, с. 56].

С детства мама привила ему музыкальный вкус и он, когда представлялась возможность, наслаждался концертами, как пианистов, так и симфонических оркестров, не гнушаясь и прослушиваний музыкальных передач по радио. Известно, что он и сам немного музицировал. Бывая нередко за рубежом, академик прилежно посещал картинные галереи, выставки, музеи и с удовольствием созерцал различные образцы классической европейской культуры. Вот, например, его письмо из Амстердама в сентябре 1976 г.: «Вчера вечером был прием в чудесном национальном музее, где много картин Рембрандта, в том числе и “Ночной дозор”. Вообще, здесь очень интересно» [2, с. 202]. Воспринимал шедевры искусства и литературы Сергей Васильевич как рядовой читатель, зритель, слушатель, хотя музыка находила в его душе большой отклик и звала его к созидательной активности. Основные его продуктивные силы направлялись в русло любимой физики, которую он считал матерью всех наук [2, с. 16]. Подлинная заслуга Вонсовского как ученого более фундаментальна, чем просто разработка разных направлений физики твердого тела и магнетизма. Она состоит в утверждении на Урале традиции чистой физики наряду с ее прикладными аспектами. Ему и его сподвижникам удалось убедительно оспорить тезис о том, что Уралу близка только металлургия. Косвенно прослеживается и несомненное влияние успехов уральской чистой физики на становление философского факультета в УрГУ (созданного в середине 60-х гг.

прошлого века), что доказывает объективность союза естественных и гуманитарных наук.

В книге Вонсовского перед читателем проходит большая череда персонажей. Здесь с большой теплотой описаны встречи с Я.И. Френкелем, И.Е. Таммом, П.Л. Капицей, а также с другими знакомыми и вовсе не известными читателю персонажами. Благодаря приведенным в книге документам их образы оказываются яркими и объемными. Так, в частности, предстает личность Николая Викторовича Лучника (1922–1993). В жестоких обстоятельствах войны, оккупации, ареста и смертельной болезни советский ученый отстоял свое человеческое достоинство, сделал приобретенный духовный опыт трагического существования темой своего поэтического творчества. В тексте «Воспоминаний Ч. 2» помещены три стихотворения Лучника, где есть такие строки:

«Я и дошел до одичанья,
До смерти сердцу и уму».
«Неподвижно сижу, и живет в моем сердце надежда,
Что за духом здоровым здоровая сила придет» [2, с. 275].

В книге приведено письмо жены Н. Лучника, отправленное академику 12 октября 1993 г. «Дорогой Сергей Васильевич! Бесконечно благодарю Вас за соболезнование и за добрые чувства к нам. Простите, что делаю это только сейчас, но мне трудно примириться со всем тем, что произошло за последние семь-шесть лет. А примириться необходимо, иначе невозможно жить, тем более что Николай Викторович в течение своей тяжелейшей болезни мне не единожды говорил, что он всех своих врагов простил от чистого сердца» [2, с. 281]. Сергей Васильевич ни стихам Лучника, ни тексту письма его вдовы Надежды Алексеевны никаких пояснений и оценок не дает, но мы вполне можем предположить, что эти документы вызывали в его душе определенный эмоциональный отзвук.

Ближайший круг лиц книги включает в себя родителей Сергея Васильевича, членов семьи Шубиных, с которыми он породнился после трагической гибели Семена Петровича и женитьбы на Любви Абрамовне. Это также и Татьяна Порфирьевна Козляковская или просто Танечка и даже Козочка. Сергей Васильевич любил наделять сердечно близких ему людей ласковыми прозвищами. Любовь Абрамовна была для него Бынечкой, приемную дочь Зину, которая ухаживала за ним до его смерти, называл Зикушей или нередко Зикундринчиком, а себя именовал Бадей. Для внуков он был деда Бадя.

К Танечке он пронес романтическое чувство через многие десятилетия. Несмотря на то, что в 1938 г. он женился на Любочке, несмотря на свои более поздние увлечения другими женщинами. Танечка всегда оставалась центром его духовного притяжения. Только она была способна так верно выразить в образе и слове то, что было скрыто в его душе даже от него самого.

Вполне может статься, что рядовой читатель окажется разочарованным книгой Вонсовского, ибо ходовым ее стилистическим приемом оказывается фигура умолчания. Действительно, уяснение содержания книги будет под силу лишь тому, кто окажется знакомым с дополнительной литературой об академике. Далеко не все, но некоторые издания здесь не только упоминались, но и цитировались. О несовершенстве «Воспоминаний. Ч. 2» уже говорилось выше, однако нет сомнения, что и данное издание представляет огромный интерес своей ранее не известной информацией. Фактически только теперь открывается возможность объединения первой (1999 г.) и второй (ныне изданной) частей мемуаров С.В. Вонсовского. Только теперь возможен сквозной редакторский комментарий на основе результатов продолжающихся исследований жизни и творчества непосредственного участника и творца академической науки на Урале.

Когда вышло первое издание книги Б.А. Путилова о С.В. Вонсовском, то он разослал ее родным и знакомым и, конечно, Козляковской. Танечка вскоре ответила письмом от 17 января 1982 г. так: «Многое вспомнилось, многое узналось и многое подумалось» [2, с. 216]. Думается, что это давнее впечатление уместно вспомнить сегодня, ибо оно как нельзя лучше характеризует и книгу Вонсовского, подготовленную к изданию его коллегами и учениками в Институте физики металлов УрО РАН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вонсовский С.В.* Воспоминания. Екатеринбург, 1999. 312 с.
2. *Вонсовский С.В.* Магнетизм науки. Воспоминания. Ч. 2. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 356 с.
3. *Вонсовский С.В.* Слово об учителе и друге // Шубин С.П. Избр. труды по теоретической физике. Свердловск, 1991. С. 350-354.
4. Краткая литературная энциклопедия / Гл. редактор А.А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978. Т. 1-9. М., 1967. Т. 4. 1024 стб.
5. *Путилов Б.А.* Магнит души. Екатеринбург, 1999. 160 с.
6. *Чупринин С.* Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. М., 2007. 768 с.
7. *Шубин С.П.* Избранные труды по теоретической физике. (Очерк жизни. Воспоминания. Статьи). Свердловск, 1991. 376 с.

RESUME

Yuri Ivanovich Miroshnikov, Doctor of Philosophy, associate professor, head of Educational department of philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg; (343) 362-34-07 miroshnikov1941@mail.ru

«Much was Remembered, Much was Learnt and Much was Thought of ...». Vonsovskii S.V. Magnetism of Science. Memoirs. Part 2. Ekaterinburg: UB RAS, 2010. 356 p.

*Мирошников Ю.И. «Многое вспомнилось, многое узналось
и многое подумалось...»*

The book considers the life journey of Academician S.V. Vonsovskii. His starting point was Tashkent where he have got school mates. Then, studies in Leningrad where the prospective Academician got his status as a scientist, and, finally, Sverdlovsk where Vonsovskii became the founder of Ural academic school of theoretical physics.

Academician S.V. Vonsovskii, memoirs, family records, letters, recollections of teachers, colleagues, students, relatives, school and personal friends, scientific achievements, problems in private life, perception of Soviet cultural events.

Материал поступил в редколлегию 30.07.2010 г.